

ЭО, 2010 г., № 1

© Е.Л. Капустина

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ГОРНОГО ДАГЕСТАНА)*

Ключевые слова: экономическая антропология, трудовая миграция, отходничество, социальные практики, престижная экономика, дагестанская сельская община

Часто в качестве основной причины, толкающей жителей горного Дагестана на отъезд на заработки за пределы родного селения, называют удручающие масштабы сельской безработицы: “нет работы на местах”. Другими словами, трудовая миграция воспринимается как вынужденная мера, отражающая бедственное положение горного дагестанского села. “Родными сестрами” современной трудовой миграции называют разрушение “традиционной культуры”, умирание горных селений и т.п.

Все это верно, однако у рассматриваемого феномена есть аспекты, не сводящиеся исключительно к текущей экономической ситуации. И мы в данной статье попытаемся показать, что трудовая миграция – явление, отражающее культурную специфику региона и формирующее социальный ландшафт современного дагестанского селения.

Сезонная трудовая миграция (историческое название этой деятельности – отходничество) – явление для Дагестана не новое. По литературным источникам нам известно, что отходники из этого региона уходили на заработки уже в XIX в., чему способствовали многие экономические, демографические и социальные предпосылки¹. География дагестанского отходничества была весьма обширна – это не только весь Кавказский регион, но и внутренние губернии Российской империи, Ближний и Средний Восток, Китай, Европа, Северная и Северо-Восточная Африка. При этом следует отметить, вопреки расхожему мнению, что помимо знаменитых ювелиров и оружейников Казикумухского округа и Кубачей, жители других частей Дагестана также весьма активно уходили на заработки – на нефтяные промыслы Баку и Грозного, сельскохозяйственные сезонные работы по всему равнинному Кавказу, занимались извозным промыслом, нанимались сторожами, полицейскими, чабанами, создавали временные рыболовецкие артели на Каспии и т.д. Некоторые исследователи считают, что в дореволюционный период в среднем шестая часть населения Страны гор занималась отходничеством (*Гаджиев* 1984: 22).

В 1920-е годы, несмотря на установление советской власти, отходничество из Дагестана продолжалось. Изменения стали происходить в 1930-е годы, когда в республике начался процесс активного колхозного строительства. С этого времени

Екатерина Леонидовна Капустина – младший научный сотрудник отдела этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; e-mail: parlel@mail.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта “Миграционные процессы в Дагестане в середине XX – начале XXI в.: социальные, этнокультурные их последствия и перспективы” (проект № 08-01-00345а).

(конец 1930-х) возник вопрос о самой возможности существования отходничества, поскольку колхозникам следовало отработать определенную норму трудодней, что при длительном их отсутствии в селениях оказывалось практически невозможным. Этот фактор должен был сократить число людей, отправлявшихся на заработки за пределы своего района. Вместе с тем обобществление и уравнивание личных земельных наделов позволило получить землю и горцам, ранее ее не имевшим. Несмотря на это, люди продолжали уходить на заработки, хотя поток трудовых мигрантов был не столь интенсивным как раньше. С 1960-х годов колхозники начали получать паспорта и выезжать за пределы селений. Сезонные трудовые мигранты из Дагестана вновь завоевали советские рынки труда – особенно они были востребованы в строительстве в сельской местности и на уборке урожая. В советский период изменяется география отъезда – территория за пределами Советского Союза являлась недоступной, однако наряду с традиционными областями Европейской части РСФСР и Закавказья активный поток временных рабочих устремляется в Среднюю Азию и Сибирь.

В последние два десятилетия традиции сезонной трудовой миграции получили новый импульс к развитию, но оценки размеров движения современных отходников отсутствуют. «Следует отметить, что реальные размеры потока мигрантов в другие регионы России из Дагестана значительно больше данных официальной статистики, поскольку среди дагестанцев много неоформленных мигрантов, работающих, главным образом, в малом бизнесе. Аналогичная ситуация с трудовыми мигрантами, работающими внутри республики. По оценочным данным, около 15% трудоспособных мужчин в Дагестане во внесезонное и свободное от личных хозяйственных работ время выезжают в города республики из высокогорных районов; работают они бригадами по 5–6 человек, осуществляют работы “под ключ”» (Мудуев: <http://migrocenter.ru>).

На сегодняшний день надежных статистических данных по рассматриваемому вопросу практически нет. И это вполне естественно – внешняя миграция гораздо легче поддается подсчетам, нежели внутренняя. Это связано с общей ориентацией государственных служб миграций на контроль миграционных потоков из-за рубежа. В результате относительно дагестанских рабочих можно лишь сделать общий вывод, что на сезонные работы выезжает значительное количество сельчан республики и жителей городов.

Как же на современном этапе изменились маршруты и предпочитаемые занятия дагестанских сезонных трудовых мигрантов?

С распадом Советского Союза серьезно изменился ареал миграции отходников. Существует несколько основных потоков сезонной миграции дагестанцев: внутриреспубликанская (как правило, из селений в районные центры и города Дагестана) и внутрироссийская. Отмечается также и сравнительно небольшой поток трудовых мигрантов за пределы России, однако в данном случае речь идет скорее о выезде на постоянное место жительства, чем о временном перемещении.

Независимые государства Закавказья и Средней Азии перестали быть привлекательными направлениями как из-за сложностей политического характера (произвол местных чиновников, этнические конфликты), так и по экономическим соображениям. Роли поменялись – теперь уже оттуда в Россию начали приезжать гастарбайтеры. В 1990-е годы, в условиях жесточайшего экономического кризиса у себя на родине, в Дагестан приезжали рабочие из Азербайджана и Грузии. Азербайджанцы нанимались чернорабочими, чабанами и строителями. В высокогорный Цунтинский р-н, расположенный на границе с Грузией, в 1990-е годы приходили грузины наниматься в батраки к жителям района, привозить на продажу и обмен свои товары. Забавная метаморфоза состояла в том, что в советское время цунтинцы уходили на строительные и некоторые другие работы в Грузию, где традиционно зарплаты были больше и скот ценился дороже. “Если здесь за день работы в 1960-е годы платили 5 руб. в день, то в Кварели – 10” (ПМА 1)².

Некоторые дагестанцы уезжают в Сибирь и на Север Европейской России на работы в нефтегазовом секторе (вахтовый метод), однако среди горцев такой вид заработков не очень распространен; чаще этим занимаются жители Ногайского р-на. Горцы начали активно осваивать сибирский регион в советское время, но сейчас он не является для сезонных трудовых мигрантов из Дагестана приоритетным (дорогой проезд к месту работы практически исключает сезонный характер; люди, работающие там, не возвращаются домой по несколько лет и зачастую оседают там).

Если в советское время дагестанцы ездили на многочисленные стройки в Средней Азии, то теперь они работают на стройках в крупных российских городах (возведение многоквартирных, а также частных домов) – чаще всего в Москве и Подмосковье, на черноморском побережье Краснодарского края, в Поволжье, Санкт-Петербурге, Владикавказе, Ставрополе, Махачкале.

Следует особо сказать и об участии в промыслах женщин. В XIX – первой половине XX в. они практически не занимались отходничеством. В позднесоветский период, в 1970–1980-е годы, дагестанки выезжали на уборку урожая – лука, помидоров, картофеля – в азербайджанские хозяйства Грузии, в другие регионы. И сегодня сельянки чаще всего занимаются именно сельскохозяйственным трудом, нанимаясь целыми бригадами на уборку урожая. Есть даже сведения об отъезде группы женщин из Цунтинского р-на на сбор яблок в Грецию (очевидно, при посредничестве грузин, среди которых трудовая миграция в эту европейскую страну в последнее время очень популярна).

Дагестанки могут сопровождать мужей, уезжающих на сезонные работы в города. В этом случае они иногда устраиваются на временную работу. Однако в настоящее время нередки случаи, когда женщины едут работать на сезон без мужей, самостоятельно. Так, нам не раз говорили о сезонных отъездах дагестанок в Москву на работу на кондитерских фабриках, в магазинах. Эти женщины, как правило, среднего возраста, имеющие взрослых детей, которых уже можно оставить дома одних под присмотром родственников, а также вдовы, разведенные.

В общих чертах обрисовав ситуацию с трудовой миграцией в Дагестане, перейдем теперь к главному вопросу – является ли эта практика для наиболее бедных жителей горного дагестанского селения шансом избежать конечного обнищания или же роль трудовой миграции выходит за рамки чисто экономической плоскости?

В литературе, посвященной отходничеству в Дагестане, часто указывается, что отхожие промыслы и уход на заработки были единственным средством поддержания жизни бедняков. Безусловно, уход части населения на заработки являлся следствием их бедности, а отходничество можно назвать средством спасения бедняков и малоземельных горцев от голода и нищеты.

Вместе с тем некоторые примеры дореволюционной эпохи ясно показывают, что многие дагестанцы-отходники отнюдь не влачили жалкое существование. Многие авторы отмечают, что развитие отходничества пришлось на время, когда развитие денежных отношений в горах (а от себя добавим, и вследствие вхождения региона в состав России и проникновения оттуда фабричных товаров в горный Дагестан) привело к увеличению потребности крестьянина в деньгах (*Гаджиева и др.* 1967: 47). Можно сказать, что отходничество было не только и не столько средством спасения от нищеты, сколько возможностью удовлетворения потребностей “не первой необходимости”. Ведь даже тогда, когда горец мог добыть пропитание для семьи на целый год в родном селении, он, тем не менее, нередко надолго покидал его, отправляясь на заработки.

Подобное объяснение необходимости поездки на заработки часто встречается в интервью современных трудовых мигрантов-дагестанцев. Например, многие жители Цумадинского р-на, массово выезжающие на сезонные работы на полях с луком в Ростовскую обл., не подчеркивают того обстоятельства, что их отходничество – критическая мера против крайнего обнищания. В целом, несмотря на официальные данные, говорящие, что Дагестан – самый бедный регион России (с горькой гордостью об этом

заявляют многие информанты), нельзя сказать, что те сельчане, которые не занимаются отходничеством, живут на грани нищеты. Но среди них зачастую именно отходники живут хорошо или даже в достатке. Не случайно, активность в этой области проявляется тогда, когда человек должен совершить очень большие траты: жениться (по оценкам информантов, сыграть свадьбу в сел. Годобери в 2006 г. стоило 100–300 тыс. руб.), построить дом, купить автомобиль, устроить детей в университеты. *“На заработки же едут те, у кого ничего нет – кому дом надо построить, или там надо женить детей, у кого дети взрослые – они вот ездят”* – из этой цитаты видно, что речь идет не о нуждах первой необходимости, а о больших тратах (ПМА 2). По данным М.Ш. Шигабудинова, «горец, прежде чем обзавестись семьей, ездил “на заработки”, причем не один раз, нередко надолго оставался в промышленных центрах, пытаясь собрать некоторую сумму денег, без которых он не мог практически жениться. Нередко вековые обычаи и порядки, возрождавшиеся на основе новых экономических и политических отношений, вынуждали горца по много лет оставаться вне своей родины. Горская психология не допускала, чтобы отходник возвращался домой с пустыми руками» (РФ ДНЦ РАН 1975: 11).

Эту специфику отходничества, определяемого как “кавказское”, отмечает и М.А. Шабанова. По ее данным, только около 20% трудовых мигрантов из Кавказского и Среднеазиатского регионов вынуждены участвовать в сезонных заработках, чтобы прокормить семью. Столько же процентов информантов планировали купить автомобиль, 15% – мебель, бытовую технику, 16% – модную одежду, 15% зарабатывали на собственную свадьбу (Шабанова 1992: 60). В настоящее время свадьба является мощным стимулом для молодежи уезжать на заработки. Большинство из тех молодых людей, с которыми проводились интервью, объясняло свое решение заняться отходничеством необходимостью заработать на свадьбу и постройку дома. Еще один повод для выезда дагестанцев – обеспечение детей, особенно подросших – их нужно устроить учиться в вуз (как правило, с помощью взятки), женить сыновей (прежде всего построить им дома) или выдать замуж дочерей.

Данную особенность дагестанского отходничества подчеркивает и М.З. Османов: “оно дает возможность молодому человеку в два-три сезона решить проблемы обзаведения семьей, домом, автомобилем, дорогими предметами быта (современная мебель, телевизор, магнитофон и т.п.)” (2002: 115).

Уходящие на заработки сельчане живут на месте временных работ, как правило, без излишеств: строители ютятся в неблагоустроенных бараках; те, кто работает в крупных городах водителями, продавцами, живут по несколько человек в одной квартире; если мигранты едут работать семьями, то фактически превращают съемные квартиры в коммунальные. Занимающиеся выращиванием овощей на полях дагестанцы живут в фанерных домиках-балаганах. Их быт предельно скромнен. При этом на вырученные деньги в родных селениях ими строятся огромные дома в несколько этажей, обставляются дорогой мебелью и техникой. Характерно, что некоторые и вовсе не предполагают проживать в селениях после возвращения с заработков. Однако необходимость иметь дом и не просто дом, а “престижный”, является во многих селениях негласным законом. Сезонные работы прежде всего служат механизмом выполнения этих статусных установок дагестанцев-сельчан. При этом появляющиеся в селениях значительные для бедной республики средства провоцируют жителей вступать в некое соревнование: повышается финансовая планка стоимости подарков невесте или дома; те, кто работал в селении, уже не могут в этих вопросах угнаться за гастарбайтерами и фактически вынуждены пополнять их ряды, чтобы не отстать в гонке домостроительства и “автомобилизации” своего селения. Таким образом, трудовая миграция есть и источник получения благ, и провоцирующий фактор, деятельность, фактически порождающая саму себя.

Обратимся опять к проблеме безработицы. Действительно, в горных селениях, население которых колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, суще-

ствуует весьма ограниченное количество бюджетных рабочих мест – это прежде всего ставки учителей, фельдшера, работников сельской администрации, детского сада. Не секрет, что зачастую, чтобы попасть на “бюджетную” должность в дагестанском селении, претендент должен выложить чиновнику, отвечающему за подбор кадров, немалую сумму – как правило, десятки тысяч рублей. При этом заработная плата на этом рабочем месте может составлять всего несколько тысяч рублей.

Помимо таких профессий, как учитель и врач, в селениях востребованы и другие – это главным образом чабаны и строители. Многие в селении – те же учителя, работники администрации, уехавшие на заработки односельчане – были бы рады поручить своих овец наемному чабану. И порой так и случается. Однако часто приходилось слышать жалобы на то, что чабана найти очень трудно, хотя и оплата труда его по сельским меркам неплохая. Нередка и такая ситуация, когда в селениях, подавляющее большинство мужчин которых занято на стройках за пределами республики, весьма проблематичным является нанять специалистов для постройки дома (обращаются к жителям других районов и даже к иностранцам – узбекам, азербайджанцам). И дело не только и не столько в том, что последние согласны работать за меньшие деньги. Нам видится, что существуют как минимум еще три причины социокультурного характера, объясняющие то, почему многие все же предпочитают уезжать на заработки.

Причина первая: *“Чабановать не престижно сейчас”*. По словам информантов, в советское время чабаны жили весьма неплохо. На кутанах (арендованные в равнинной части республики земли, предназначенные для отгонного животноводства горных колхозов) чабан зачастую обладал мощным экономическим ресурсом – колхозными овцами, которыми он мог поделиться; перед ним заискивали, его дружбы искали. В настоящее время овцеводство тоже приносит весьма неплохую прибыль. Чабан и сейчас “при деньгах”. Но быт его весьма суров – значительную часть времени он должен проводить либо в горах, либо на неблагоустроенных кошарах. Молодые мужчины, воспитанные на пропагандируемой культуре красивого “телевизионного быта”, побывавшие в Махачкале, получившие высшее образование (обязательный атрибут молодого человека в республике на сегодня) с большой неохотой воспринимают для себя перспективу стать чабанами. *“Чабановать – насмешка, не престижно сейчас. Так как постоянно один, без общества, в горах. Без цивилизации. Нормального места не видел, ни одного места не посетил”* (ПМА 3).

Нежелание молодежи заниматься чабанской работой связано не только с модой на “городской” образ жизни. Ю.М. Ботяков в своей статье о периферийных ролях кавказского общества убедительно доказывает, что профессия чабана, хотя и давала стабильный доход, но все же являлась низкостатусной. «Вне всякого сомнения, ситуация, когда пастухами становились наиболее бедные члены общины, пришлые, а, следовательно, и социально менее защищенные люди, в целом отражалась на статусе пастуха в общине. В настоящее время слово “пастух” является синонимом понятия “необразованный человек”, лишенный представления о том, как вести себя в обществе. Таким образом, в кавказском селении возникает некий стереотип восприятия профессии чабана как удела людей необразованных, не способных ни на что большее, а в ряде случаев и умственно неполноценных» (Ботяков 2007: 200).

Причина вторая: *Отходничество – выход за границы социальной иерархии дагестанской сельской общины (джамаата)*. Население многих нагорных районов Дагестана в дореволюционный период в основном состояло из свободных общинников (узденей), не связанных ни с кем феодальными отношениями. Селения, где преобладали уздени, принято называть вольными обществами. Они не знали крепостной зависимости, существовавшей в ханствах и удмийствах Дагестана. Однако и внутри селения, входившего в вольное общество, имелась определенная иерархия: происходило деление на “благородные” и худородные тухумы (родовые объединения). Повсеместно сохранялась и память о том, кто из сельчан ведет свое происхождение от пленных

грузин – домашних рабов (лагов). В некоторых сельских обществах лаги не формировали отдельных тухумов, а входили в тухумы хозяев. Тем не менее и сейчас в бытовом общении тухумная иерархия и “свободное” или “рабское” происхождение являются актуальными. На эту систему причудливым образом наложилась имущественная дифференциация: в советское время, когда власть делала ставки на социальные низы и бедноту, потомки лагов зачастую получали больше доступа к колхозной власти и благам, значительно улучшив свое материальное положение. Такая ситуация отчасти сохраняется и ныне. Нередко можно услышать от представителей “престижных” тухумов, что лаги сейчас живут богато, потому что у них немало детей, они много работают, более настырны и пр. В этих условиях член знатного тухума, который работает на потомка лага или даже на тухум, стоящий ниже на социальной лестнице, осуждается общественным мнением. Более того, работа на односельчанина, равного тебе по происхождению, также может восприниматься как потеря своего “свободного”, “равного другим” статуса.

Например, в бригадах сел. Хуштада Цумадинского р-на, занимающихся выращиванием лука в Ростовской обл., нет никого, кто бы работал наемным рабочим у односельчан. Одна из причин подобного, безусловно, – невысокая заработная плата рабочих (10–15 тыс. рублей за уборку и чуть меньше за прополку), особенно по сравнению с возможными прибылями людей, самостоятельно арендующих гектары для посадки. Однако возможность взять в аренду гектар есть не у всех – для этого нужен определенный стартовый капитал и “место в бригаде”, поскольку бригадир арендует ограниченное количество гектаров. В условиях, когда в селении существует большая проблема безработицы, возможность подзаработать на полях многими должна бы восприниматься как оптимальная. Причем у хуштадинцев в 1980-е годы был опыт найма на луковые работы к корейским предпринимателям. В чем же причина подобного поведения?

Ответ, на наш взгляд, стоит искать именно в специфике социальных отношений внутри селения. Осознание себя равным всем членам общины не позволяет входить в зависимые отношения от односельчанина. В этом случае уход на заработки на стороне и наем на работу к людям, стоящим вне рамок сельской социальной иерархии (будь то жители другого района Дагестана, корейцы или москвичи), становится компромиссом между социальными установками и финансовой выгодой. Так можно объяснить, например, случай, зафиксированный нами в сел. Уркарах Дахадаевского р-на: семья наняла для строительства дома для сына мастеров из соседнего сел. Кища (кстати, в прошлом занимавшего подчиненное положение по отношению к Уркараху). Впоследствии выяснилось, что отец семейства вместе с родственниками в это же время нанялся строить дом в Акушинском р-не Дагестана. Вместо того чтобы самому построить дом для сына, он предпочитает заработать деньги на него путем отходничества и заказать строительство другим мастерам.

Схожие мотивы при занятии отходничеством отмечает и М.З. Османов: он рассматривает вопрос о степени престижности работ как фактор выбора места, где ими можно заниматься: “К сожалению, помимо высоких заработков (на договорных работах они нередко возможны и на месте) к отходничеству горцев побуждал и определенный психологический стереотип непрестижности тяжелых видов интенсивного труда в своих местах” (Османов 2002: 170).

По той же причине внутри селения часто невозможно нанять односельчанина в помощь по дому. Так, одна молодая женщина рассказывала, что не может переехать из селения в город, поскольку не с кем оставить пожилую свекровь: *«Я говорю, можно за деньги нанять женщину, чтобы следила, убирала. Но никто не пойдет. А то потом будут говорить, что эти были в прислуге – “къзаакъ”. И за сыновьями их закрепится это прозвище»* (ПМА 4). При этом вариант уйти в гувернантки в чужое селение рассматривается как вполне приемлемый.

Безусловно, эти современные воззрения на внутриобщинные отношения берут свое начало из дореволюционной практики, когда вопрос об “узденстве” был более

актуален и не сглаживался советской установкой на равенство трудящихся с уклоном в верховенство сельской бедноты. М.З. Османов пишет: “в дореволюционном Дагестане: в своем селе малоимущие бедняки не шли в сельские пастухи (не чабаны), уходили в другие аулы” (2002: 170). Подтверждается это правило и цитатой из записок о Дагестане середины XIX в. Максуда Алиханова, генерала царской армии: “Даже последний голыш нагорной части края скорее умрет с голоду, чем позволит себе заикнуться о подаении... По той же причине никакая бедность не заставит горца наняться в работники к такому же узденю, как он сам” (Алиханов 2005: 194).

Причина третья: “*Это казино!*” Риск как самостоятельный дивиденд. “Миграция, даже временная, – это шаг в неизвестность, это риск, пойти на который готов далеко не каждый” (Дятлов: <http://www.archipelag.ru>). Как уже отмечалось, сельскохозяйственные сезонные работы на полях с луком в Ростовской обл. весьма трудоемки и тяжелы, а условия проживания участников промысла можно назвать “спартанскими”. Для того чтобы заняться этим бизнесом, сельчане должны вложить от 50 до 150 тыс. руб. из своих средств или занять их у родственников и знакомых. Но, как показывает действительность, даже добросовестная работа на поле и капиталовложения не дают полной гарантии того, что в итоге пайщики получают прибыль; некоторые влезают в долги. Более того, многие бывшие пайщики, не имея возможности самостоятельно арендовать гектар, превращаются в наемных рабочих у занимающихся огородничеством на продажу корейцев.

Вместе с тем многие “луксмены” (так в одном интервью были названы жители сел. Хуштада, занимающиеся выращиванием лука в Ростовской обл.) не оставляют своего излюбленного промысла, даже несмотря на то, что часто случающиеся годы неудач если и не разоряют многих из них, то надолго делают должниками. “*Мы вот, допустим, молодая бригада, мы только 8 лет здесь, а есть которые по 30 лет. Так за это время он может один-два раза заработал, а так ездит, ездит...*” (ПМА 5). Почему многим горцам рискованный луковый бизнес милее более стабильной работы чабана и даже строителя в городах-миллионниках?

На наш взгляд, важную роль здесь играет восприятие лукового бизнеса как своего рода азартной игры.

Информант: “*Первый год приезжают люди – нужда заставляет, второй год. А потом просто привыкают люди, это как наркотик тоже*”

Собиратель: “*Наркотик – что? Наркотик – работа на поле, лук?*”

Информант: “*Сама работа затягивает. Вот человек сидит, допустим, рыбу ловит, а она не ловится. Так же и лук. Он один год попал, второй год попал, а на третий во-о-т такого же есть хорошего сазана поймал. Она всегда затягивает, надежда. В этом году не повезло, в следующем повезет. Вот вы заметили: мы все улыбаемся, ходим довольные, хотя у нас нет урожая. Потому что на следующий год будет лучше. Азарт, азарт!*” (ПМА 5).

И в других интервью информанты, говоря о луковом бизнесе, произносят такие слова, как “лотерея”, “казино”, подчеркивая свою зависимость от возможных больших заработков, от внезапно появляющихся сотен тысяч рублей. Луководы готовы годами ждать своего “звездного часа”, отдыхая от работы в железных вагончиках или фанерных балаганчиках на полях Ростовщины.

Для того чтобы яснее представить себе игровой характер этого промысла, следует уточнить, как происходит сбыт основной продукции – репчатого лука. К концу сентября выращенный лук собирают, однако сразу же продают его лишь единицы. Основная часть луксменов предпочитает арендовать склад и нанять сторожа (или оставить на зимний период кого-то из своих). Продажа лука, таким образом, откладывается на зиму – раннюю весну. Зимой цена на лук возрастает вдвое и более относительно сентябрьской цены, весной она еще выше. Вместе с тем дагестанцы, оставляющие свой лук на зимнее хранение, несут дополнительные расходы на содержание склада и сто-

рожа, а также вынуждены время от времени проверять свой товар в течение зимы, а значит, приезжать из Дагестана в Ростовскую обл. по нескольку раз за сезон. К тому же вследствие резких заморозков лук может замерзнуть, а затем и сгнить. В итоге те, кто продает лук сразу после уборки, получают свой небольшой, но почти гарантированный доход. Те же, кто решил рискнуть и оставить лук до весны – периода высоких цен, могут или выручить за тот же объем урожая в несколько раз большую прибыль, или не получить ничего, т. е. фактически зря “закопать в землю” 50–150 тыс. руб. и более за один сезон. Тех, кто все-таки выбирает этот рискованный вариант, немало.

Луковое “казино” привлекает тысячи дагестанцев, пренебрегающих торговлей на базарах и занятием скотоводством; многие, не исключая и молодежь, охотно едут “на лук”. Таким образом, за рутинным трудом огородников скрывается азартная игра на большие деньги – вполне достойное дело для мужчин.

Итак, подводя итоги, можно отметить, что сезонная трудовая миграция в современном Дагестане – не только способ заработать на хлеб насущный, а скорее способ решить крупные “финансовые” задачи – покрыть расходы на свадьбу сына или дочери (или свою собственную, если речь идет о молодом мужчине), построить дом, купить автомобиль, устроить детей в вуз. Кроме того, подобные траты повышают статус мужчины (и его семьи) в глазах односельчан, и мы с известной долей условности можем говорить о том, что здесь имеет место так называемое “показное потребление”.

Кроме того, уход на заработки есть оптимальный компромиссный вариант между экономическими потребностями и установками, диктующимися спецификой социального устройства дагестанского сельского общества. Многие социальные запреты перестают работать, когда трудовой мигрант выходит за рамки своего сообщества.

Мы позволим себе сделать вывод также и о том, что сезонная трудовая миграция позволяет превратить рутинный сезонный и сам по себе непрестижный труд в соревнование, азартную игру.

Эти факторы позволяют трудовой миграции по сути дела воспроизводить саму себя, участвовать в поддержании существующего социального баланса в дагестанском селении и даже частично обнаруживать новые выходы из сложившихся непростых социально-экономических условий в нем.

Примечания

¹ Дагестанское отходничество дореволюционного периода специально исследовал махачкалинский историк М.Ш. Шигабуудинов. К сожалению, большая часть его трудов, посвященных этой проблеме, осталась неопубликованной и хранится в Рукописном фонде архива Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, где автор этой статьи имела возможность с ними познакомиться. О дагестанском отходничестве в XIX – начале XX в. писали многие исследователи этнографии Дагестана: А.Г. Булатова, Г.Г. Османов, Л.Б. Панек и др. Однако рассмотрение истории этой социальной практики не входит в задачи данной статьи, поэтому все исторические сюжеты рассмотрены здесь конспективно.

² Статья написана на основе полевых материалов автора, собранных в ходе работы в различных районах Республики Дагестан и Ростовской обл. в 2005–2008 гг. Ссылки на полевые материалы приводятся лишь там, где даются цитаты из интервью.

Источники и литература

Алиханов 2005 – Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала, 2005.

Ботяков 2007 – Ботяков Ю.М. Периферия сельского сообщества на Западном Кавказе в конце XIX–XX вв. // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество. Социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 129–203.

- Гаджиев* 1984 – *Гаджиев В.Г.* Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. (историография вопроса) // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 5–25.
- Гаджиева и др.* 1967 – *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
- Дятлов – Дятлов В.И.* Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России // <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration>.
- Мудуев – Мудуев Ш.С.* Миграция и рынок труда в Дагестане // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты // <http://migrocenter.ru>
- Османов* 2002 – *Османов М.-З.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху. М., 2002.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Цунтинский р-н Дагестана. 2005 г. Сел. Мокок. Мужчина, 55 лет.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Ахтынский р-н Дагестана. 2007 г. Сел. Ахты. Женщина, 47 лет.
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Волгодонский р-н Ростовской обл. 2008 г. Временный поселок бригады луководов из сел. Хуштада. Мужчина, 24 года.
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Кулинский р-н Дагестана. 2005 г. Сел. Кая. Женщина, 34 года.
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Волгодонский р-н Ростовской обл. 2007 г. Временный поселок бригады луководов из сел. Хуштада. Мужчина, 38 лет.
- РФ ДНЦ РАН 1975 – Рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 267. Ч. 2: *Шигабудинов М.Ш.* Отходничество Дагестана в конце XIX – начале XX века. Махачкала, 1975.
- Шабанова* 1992 – *Шабанова М.А.* Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 52–62.

E.L. Kapustina. Labor Migration: Economic Strategy and an Element of Social Life (the Case of Today's Highland Dagestan)

Keywords: economic anthropology, labor migration, social practices, prestige economics, Dagestan rural community

The article focuses on the phenomenon of seasonal labor migrations in Dagestan and discusses its place in, and the importance for, the present day Dagestan community. The author argues that the social practice, which has tangible historical roots in the region, is instrumental in shaping the social outlook of this community. The author analyzes various ways in which the practice helps to resolve social contradictions, such as those related to the crossing of borders of social hierarchies in Dagestan's rural community, or to the effects of the conspicuous consumption strategy which is popular in the region.